Eric-Emmanuel Schmitt

Les dix enfants que madame Ming n'a jamais eus

Albin Michel

Десять детей, которых никогда не было у госпожи Минг

Эрик-Эмманюэль Шмитт

Аннотация

Эрик-Эмманюэль Шмитт. Десять детей, которых никогда не было у госпожи Минг

Аннотация

«Десять детей, которых никогда не было у госпожи Минг» — повесть удивительная по своей простоте и в то же время глубине. Она о человеке, которому помогает жить мечта, о человеке, умеющем фантазировать и давать жизнь своим фантазиям. И, как и всегда у Шмитта, о неожиданно обретённом наставнике, благодаря которому меняется и мироощущение, и вся жизнь…

Эрик-Эмманюэль Шмитт
Десять детей, которых никогда не было у госпожи Минг

Китай — это скорее тайна, а не страна.

Госпожа Минг, узкоглазая, с отливающими синевой черными волосами, сидя с прямой спиной на своем табурете, однажды бросила мне, заезжему европейцу:

— Все мы от природы рождаемся братьями, а образование делает нас разными.

Она была права… Китай, несмотря на то что я изъездил его вдоль и поперек, ускользал от меня. С каждым моим путешествием его земли расширялись, его история улетучивалась, я терял ориентиры, не обретая новых. Независимо от успехов в освоении кантонского диалекта, несмотря на чтение, вопреки тому, что я множил торговые соглашения с его жителями, Китай отступал — по мере того как я приближался. Словно горизонт.

— Чем жаловаться на темноту, лучше зажечь свет, — заявила госпожа Минг.

Как? Кого выбрать, чтобы обшарить эти загадочные земли? Какую заарканить жертву? У Китая столько лиц, сколько рыбешек в Средиземном море.

— Планету населяет миллиард китайцев и пять миллиардов иностранцев, — пробормотала госпожа Минг, не отрываясь от своего рукоделия.

Пластмассовый коричневый радиоприемник — пережиток эпохи маоизма — делал голоса гнусавыми, словно диктор захлебывается соплями. Госпожа Минг повторяла высказывания журналиста — аса статистики и вылизывания задов. «Миллиард китайцев…» В тот момент я не уловил, что ее смущает: что китайцев так много или так мало…

По рождению принадлежа к арифметическому народу, некогда изобретшему калькулятор, эта дама имела свои счеты с цифрами. На первый взгляд, мало что отличало ее от других пятидесятилетних; однако всем известно: первый взгляд ничего не значит.

Круглое румяное лицо, заметные морщинки на коже, мелкие, как зернышки, зубы — госпожа Минг была точно спелое, если не перезрелое, яблоко, славный фрукт, еще не иссохший. И такая худая, что ее тело напоминало гибкую ветку. Когда она говорила, становилось понятно, что эта ягодка с кислинкой, а не сладкая, потому что госпожа Минг в разговоре цедила едкие фразы, которые жалили мозг собеседников.

Здесь, в провинции Гуандун, госпожа Минг восседала на своем треножнике в расположенных в подвале «Гранд-отеля» благоухающих жасмином

туалетах, где среди белых керамических плиток и под ослепительным неоновым светом в ее обязанности дамы-пипи входило следить за их чистотой.

Этому уязвляющему унылые души занятию госпожа Минг вернула былое благородство: она царила в центре мироздания. Во время конгрессов и семинаров, ежедневно устраиваемых на верхних этажах, вы бежали к ней со всех ног; возле нее вы притормаживали, переминались с ноги на ногу, замирали; ее молчаливое величие смущало; вы подчинялись, вы молили глазами, вы выпрашивали дозволения проникнуть в ее владения; в этот самый момент она окидывала вас таким взглядом, будто видит насквозь все, что происходит в глубине ваших мозгов и внутренностей. «Даже не начинайте, я прекрасно знаю, с кем имею дело». В ее серых зрачках читали не приговор, но снисхождение; больше того: отпущение грехов. Будь перед ней рабочий, инженер, менеджер по маркетингу или даже генеральный директор, она видела вашу нужду и принимала вас, бывшего мальчика, просящегося на горшок, жалкую плоть, которая жаждет ослабить напряжение своих тканей. От маоистского Китая госпожа Минг сохранила эгалитаризм, от Китая

конфуцианского — гуманизм.

Так что госпожа Минг управляла мужским отхожим местом «Гранд-отеля» в Юнхаи, что, судя по ее державному присутствию, свидетельствовало о ее преуспеянии. Наводить лоск в расположенных в глубине коридора женских удобствах означало бы понизить свой рейтинг — в этой стране ценят мальчиков. Там она была бы прислугой, здесь она властвовала: перед ней, приветствуя ее, тысячами проходили мужчины, а она, милосердная, даровала им право на облегчение. Проходя мимо двери с красующимся на ней изображением платья, вы слышали смех и стрекотанье брюнеток, подправляющих макияж, треща о пустяках. Зато за створками, щеголяющими брюками, ничего подобного: ни единого слова, ни бессмысленных разговоров, ни взгляда на случайных соседей, только несколько вздохов. От писсуаров до умывальников — только торопливое достоинство, фаталистическое повиновение, солидарность повинующихся законам природы солдат. Было ли тому причиной суровое присутствие госпожи Минг? Это место превращалось в лабораторию метафизических испытаний, где каждый смертный расставался с иллюзией власти.

К чему, спросите вы, я навязываю вам все эти подробности? Позвольте объяснить.

Трансакции моей фирмы забросили меня на юг Китая. В июле я покупал там игрушки, которые в следующее Рождество порадуют наших малышей; еще больше заказывал там разные безделушки, предназначенные китайским детям. Куклы, пупсы, машинки, самолетики — все эти пластмассовые изделия по весьма умеренным ценам производились в провинции Гуандун, затем отправлялись во Францию, где наши стилисты и рабочие приводили их в товарный вид, после чего часть их вновь посылали в Китай. Поскольку такое возвратно-поступательное движение грузов нисколько не влияло на стоимость, европейцы и американцы использовали эту систему, так что на китайском рынке господствовали западные бренды, несмотря на то что товары были произведены на месте.

Благодаря моей способности к языкам — к этому времени я говорил уже на семи — руководство направило меня в Азию, заверив, что очень скоро вместо корявого делового английского я заговорю на языке китайских мандаринов. Правда, предупредили об одном условии: кроме классического китайского, мне предстояло разобраться

с кантонским диалектом, на котором говорят в провинции Гуандун, где со скоростью, достойной олимпийских рекордов, росло количество фабрик по производству игрушек.

Так что поселок Юнхаи, где я повстречался с госпожой Минг, переживал период расцвета: из деревни он превратился в город с двумя миллионами жителей. Это его слегка встряхнуло, выбило из колеи, лишило ориентиров. Высотные здания пришли на смену домишкам, переулки превратились в магистрали; некогда нарядная, как драгоценная шкатулка для рукоделия, крошечная продуктовая лавка господина Ибулаксина была сметена четырьмя супермаркетами, снабженными холодильными камерами, а окрестные луга погребены под шестиполосной окружной автомобильной дорогой, где доживали свой век последние ежики. Слишком новые, наспех построенные, лишенные своей истории, наслоений, потертостей — всего того, что составляет очарование ветхого жилья, — монотонные фасады новостроек казались оштукатуренными картонками. Где теперь находился центр Юнхаи? Согласно суровой рациональности улицы пересекались бульварами, бульвары пересекались проспектами, проспекты вели к автостраде. Про-

сторные площади, ставшие неприступными из-за автомобильного движения, приказывали: «Двигайтесь, нечего глазеть!»; только управляемые красными огнями светофоров перекрестки еще располагали к встречам, унаследовав это предназначение от ныне забетонированной старинной мойни. Не осталось ни малейшего воспоминания о прошлом, никаких руин ни в центре Юнхаи, ни на окраинах. Доблестное стремление к экономическому росту смело все.

Исчезали старожилы; те, кто не умер от изумления при виде этих разрушений, забились в дальние углы современных квартир, столь же привлекательных для них, как новая помойка.

Управляя туалетами «Гранд-отеля», как если бы это новое здание существовало всегда, а главное, как будто речь шла о наиважнейшей миссии, безразличная к подобным невзгодам, прилежная, сосредоточенная, безмятежная госпожа Минг воплощала собой постоянство в изменчивом мире. С первых же наших встреч я не мог не сожалеть о том, что она расходует там свой профессионализм; в тот день, когда я наконец решился сказать ей об этом, в первое мгновение она смущенно покраснела, потом гордо подняла голову и ответила:

— Выполнять заметную работу важнее, чем быть заметным.

Вам странно, что я разговорился с дамой-пипи в китайской глуши? Готов подивить вас, дав три ответа.

Мои бабушки драили полы у хозяев. Изучая язык, я не отказываюсь ни от какой возможности попрактиковаться в нем. И наконец, в деловых переговорах я использую прием: чтобы пощекотать нервы партнеров, я, прервав дискуссию в самый неожиданный момент, отлучаюсь, оставив их в неведении относительно своих намерений. Этот метод заставляет меня устремляться в туалет не реже, чем патриарха с побитой долгой жизнью простатой.

И вот как-то утром я без предупреждения бросил двоих сотрудников коммерческого отдела «Перл-Ривер пластик продакшн» и, пока они наверху в ожидании моих заказов сгорали от нетерпения, мирно болтал в подвале. В поисках мелочи для чаевых я выронил из кармана пиджака фотографию. Служащая подобрала ее и, увидев мою семью, улыбнулась:

— Это ваши дети, господин?

— Да.

— Сколько их у вас?

— К счастью, двое. Девочка и мальчик. На большее я не рассчитывал.

— Превысить цель не значит достигнуть ее.

Известный штамп. Я понимал, что вежливость требует от меня задать ей тот же вопрос.

— А у вас?

— Десять.

— Простите, сколько?

— У меня десять детей.

Сначала я усомнился в своем знании кантонского диалекта… На всякий случай я повторил цифру «десять» по-китайски и по-английски. Каждый раз она согласно кивала.

Все еще не веря, я растопырил пальцы веером.

— Десять?!

Для убедительности она перечислила имена:

— Тинг Тинг, Хо, Да Сиа, Кун, Конг, Ли Мэй, Ванг, Рю, Жу, Шуанг.

Эти слоги будили в душе госпожи Минг такую нежность, озаряя ее глаза и разглаживая лицо, что она словно на миг помолодела.

Воздержавшись от комментариев, я изобразил на лице подобающее восхищение, щелкнул каблуками и по-быстрому вернулся к покинутым торговцам.

Я был ошеломлен. Какая наглая ложь!

Неужели она думает, что я ей поверю? Или она считает меня идиотом? Любому — даже самому безмозглому туристу — известно, что в целях обуздания демографического роста китайское государство в течение десятилетий запрещало семейным парам рожать больше одного ребенка.

Во время обеда, на который я был приглашен своими собеседниками из «Перл-Ривер пластик продакшн», я, вспомнив о бессмысленном бахвальстве госпожи Минг, поинтересовался у них, существуют ли отступления от закона о единственном ребенке.

— Исключения? Смягчение… В некоторых провинциях, в случае если ни один из супругов не имеет братьев и сестер, разрешается иметь второго ребенка.

— В деревнях, если рождается девочка, у крестьян есть право попытаться родить мальчика.

— Почему мальчика? — Я изобразил крайнее изумление.

— Потому что мальчик сможет выполнять тяжелую работу. А потом возьмет на себя заботу о родителях.

— Вот оно что. Выходит, девочки здесь отличаются неблагодарностью?

— Нет, но, когда девочка уходит в семью мужа,

родители теряют ее.

— Что происходит, если молодая мать снова забеременела?

— Она делает аборт.

— А если ребенок уже появился на свет?

— Она платит штраф. Немалый штраф.

— А может китаянка иметь десять детей?

Прикрыв глаза, служащие коммерческого отдела запричитали и захлопали ладошками по столу. Сморщенные лица с открытыми ртами стали краснее, чем обезьяний зад. Под действием сотрясавших тела спазмов зернышки риса, кусочки свинины и соус из черной фасоли поднялись из их желудков к горлу, выступили на губах. Они раздули щеки, пытаясь сдержать рвоту.

Это можно было предвидеть, к этому я и стремился: смеющийся бизнесмен всегда перебарщивает; а уж китайский бизнесмен…

Хотя я испытывал неловкость, все же взрыв их веселья меня устраивал: расхохотаться — вот как мне следовало отреагировать на заявление госпожи Минг. Большего воображала не заслуживала. Нагородить такую глупость!

Так что, оказавшись в ее владениях в три часа дня, я не стал завязывать разговор.

Зато эта врунья после утреннего выступления

преодолела разделяющую нас стену сдержанности и продолжила диалог с того места, на котором мы остановились:

— Господин, как зовут ваших детей?

— Флёр и Тьери.

Несмотря на угрожающие интонации моего голоса, она ухватилась за эти имена и с блаженной улыбкой принялась повторять их, бормотать, ласково перекатывать на языке, словно самые нежные звуки космоса:

— Флёр и Тьери…

Признаться? Она тронула меня. От звука дорогих мне имен, произнесенных этим прозрачным, восторженным голосом, чья экзотическая артикуляция делала каждую гласную редкостной, драгоценной, у меня перехватило дыхание. На правую руку капнула слеза.

Едва осознав это, я проклял свою чувствительность.

— Извините, я скучаю по ним.

— Только когда приходят зимние холода, мы отмечаем, что сосна и кипарис обнажаются позже других.

Она великодушно протянула мне бумажный носовой платок.

— Радость таится во всем, надо суметь извлечь

ее. Плачьте, господин, плачьте сколько хотите.

Взволнованный, я ринулся к умывальнику и безудержно разрыдался. В самом деле, это оказалось чудесно. Меня переполняла изматывающая меланхолия, разлука усиливала привязанность, которую я испытывал к Флёр и Тьери.

Я высморкался и собрался ретироваться, раздосадованный тем, что эта врунья разгадала меня.

Увы, она поднялась со своего места и встала у меня на пути со шваброй в руках.

— Сколько лет Флёр и Тьери?

— Пятнадцать и тринадцать.

— Чем они собираются заняться?

— Они еще не решили. — И ни с того ни с сего с нарочитой тревогой добавил: — Впрочем, меня это беспокоит…

Она кивнула.

— Моя шестая, Ли Мэй, тоже тревожила нас в этом плане. С самого рождения она видела то, чего никто не замечал: в облаках различала лица; в испарениях, поднимающихся от подлеска после дождя, любовалась танцами духов; всматриваясь в комья земли, могла разглядеть в них формы, ускользающие от нашего зрения, например лошадь, которая под ее руками возникала из глины… В древесных прожилках у нас на полу

она могла прочесть целые эпопеи о сражениях, разгромленных императорских армиях, разных ужасах, которые так пугали ее, что она зажимала себе уши, чтобы не слышать лязга оружия и стонов раненых. Чтобы успокоить ее, мой муж затянул пол старым паласом: еще лучше! В переплетении нитей и пятнах Ли Мэй расшифровала легенду о Фениксе, она обожала эту сказку. При этом у Ли Мэй было плохое зрение; еще в раннем детстве доктор обрек ее на постоянное ношение очков с линзами толще донышка бутылки. Впрочем, я так привыкла к этим лупам, что однажды, когда мыла ее под душем, вздрогнула, с изумлением обнаружив, что без этой арматуры глаза у Ли Мэй, оказывается, такие же, как у ее сестер, а не в три раза больше. Муж ее недолюбливал. Следует признать, что в школе она не блистала… Если на уроке биологии учитель рассказывал, что ящерица питается насекомыми, она возмущалась и отказывалась слушать дальше. На истории она начинала плакать при упоминании о смерти императора. На математике хохотала, если среди чисел затесались буквы «х» и «у», и удовлетворенно гоготала, когда ей сообщали, что прямая проходит по касательной к окружности. Я объясняла эти заблуждения чрезмерной вос-

приимчивостью. Мой муж упрекал себя в том, что породил слабоумную. «Куда мы сплавим эту соплячку, которая не видит то, что видят все, но видит то, чего никто не видит?» Когда она подросла, он стал таскать ее с собой на покер в надежде, что во время игры она будет, точно рентгеновскими лучами, просвечивать чужие карты и поможет ему заграбастать победу. Бесполезно. Ли Мэй не угадывала ничего: ни тузов, ни пик, ни бубен. Зато она видела над игроками некий свет, который указывал ей степень их честности: ярко-красное свечение у мошенника, желтое — у того, кто случайно сплутовал, бесцветное — у честного человека. Это естественно, благонравное поведение не имеет вкуса — как вода. Тут моего мужа осенило! Несколько недель он наблюдал за ее даром, следил, не ошибается ли она, а потом решил, что Ли Мэй может помогать полиции и правосудию, то есть секретным службам. Он показал ее одному члену партии — мы бывали у него в гостях, а тот предъявил ее своему шефу, который, в свою очередь, отвел ее к ответственному лицу. К несчастью, над париком начальника Ли Мэй различила ярко-красное свечение лгуна: на этом ее шпионская карьера закончилась. Муж стал избегать ее: после этого

скандала его, бедного, уволили с работы… Я-то была счастлива, что хоть в тюрьму не посадили. Я тоже попыталась пристроить Ли Мэй к какому-нибудь делу. Вспомнив, что в детстве она умела разглядеть какие-то силуэты в глине и выявить их, я подумала, что она может стать скульптором — полезное, уважаемое, хорошо оплачиваемое занятие. Ли Мэй сдала вступительные экзамены, приступила к учебе, делала удачные наброски. Когда же перешли к работе в материале, поскольку она могла извлечь из минерала лишь то, что в нем видела, ей тщетно предлагали гранит, мрамор, базальт — она ни разу не разглядела в каменных блоках ни лица Мао, ни группу пролетариев, достойных того, чтобы их увековечили в камне. Преподаватели выставили ее за дверь.

Она расхохоталась.

— И что же? Мы зря тревожились. Теперь она в Пекине рисует комиксы. Слышали про Диди, лягушку-певицу? Нет? А ребятишки буквально вырывают друг у друга выпуски… Ли Мэй иллюстрирует тексты, которые сочиняет один педиатр. Честное слово, только она умеет подметить то, что недоступно другим, чтобы вытянуть эти истории, потому что, если ограничиться тем, что изложено в десяти или пятнадцати фразах,

составляющих эпизод… В прошлом году она вышла замуж за массажиста — «человека, который видит пальцами» — и прилично зарабатывает на жизнь. Правда, невероятно?

Не имея возможности ни вставить слово, ни ретироваться, я вытерпел это представление. Переведя дух, я эхом повторил:

— Да, невероятно…

Я надеялся, что по моему ироническому тону она поймет, что я не повелся на ее небылицы.

Если она и разгадала мои намерения, то неверно поняла их причину.

— Я вас задерживаю? Извините, господин. Когда речь идет о моих детях, я забываю обо всем, даже о вежливости. Умоляю вас не держать на меня за это зла. До свидания, господин, до завтра.

Меня так и подмывало ответить ей: «Извинилась бы лучше за свое бахвальство, гусыня!! Оскорбительно то, что ты держишь меня за дурака!» Однако то ли от внезапно накатившей усталости, то ли из малодушия я ограничился кивком и поднялся наверх продолжать переговоры.

Назавтра, боясь рецидива ее словесного поноса, я решил не спускаться в подвал; тем не менее в середине переговоров я внезапно совершил теат-

ральный выход из-за стола и ринулся в туалет.

Госпожа Минг радостно кивнула мне, ее глаза сияли.

Слишком поздно.

Стоя перед умывальником, я разыграл занятого человека, пригладил волосы, сполоснул руки, пару раз потер зубы, снова причесался, тщательно поскреб, смочил и просушил галстук, стараясь удалить с него воображаемое пятнышко. Короче, довольно глупо потратил время. В глубине души я проклинал ловушку, в которую сам себя загнал, сбежав от своих собеседников к даме-пипи. Не лучше ли было укрыться в кабинке и поиграть с телефоном? Нет, это представлялось мне совсем убогим решением, этакой информационной замкнутостью, цифровым аутизмом. Если бы я уступил этой склонности, то никогда не овладел бы девятью языками и не избороздил земной шар. Я так разозлился, стоя перед зеркалом, что, пытаясь отщипнуть заусенец, содрал кожу, и палец начал кровоточить. Первая капля попала на галстук, вторая — на сорочку.

— Вот черт!

Госпожа Минг не понимала по-французски, но тут же бросилась ко мне:

— Позвольте вам помочь, господин. Доверьтесь

мне. У меня есть все необходимое.

Я поднял глаза: ее участие казалось искренним. Странная женщина… Глядя на эту фантазерку, я непроизвольно проникался к ней симпатией.

Не ломаясь, я зажал палец бумажной салфеткой, снял пиджак, галстук и сорочку и вручил ей все, кроме пиджака. Очень кстати, согласно китайской моде, на мне оказалась белая хлопчатобумажная футболка, так что, надев пиджак, я сохранил приличный вид.

Госпожа Минг вернулась к своему столику, схватила косметичку, вытащила оттуда тряпочку, какой-то флакон и потерла загрязненные места. От нечего делать я примостился возле нее; она улыбнулась мне, как если бы мое приближение было выражением дружеских чувств.

— Я привыкла. Мои близнецы, Кун и Конг, были такими же. О, извините… Я хочу сказать, еще хуже, чем вы. Кун и Конг просто притягивали пятна. Откуда только они брались, эти жирные пятна, пятна от соуса, пятна от чая, пятна от смазки — они к ним прямо-таки липли и — хоп, на рубашку, на футболку, на свитер, да еще на самом видном месте! С самого детства эти близнецы принялись коллекционировать заляпанную одежду, царапины, ссадины, шишки на лбу, засохшие струпья

на коленках. Более безрассудных мальчишек я не видывала: они сигали из окон, лазали по деревьям, бегали по крышам; приходилось прятать лестницы и веревки; отец подарил им велосипед, так они оба сразу взобрались ногами на седло. Сначала мне было страшно; но через несколько лет я перестала беспокоиться: они всегда счастливо отделывались! Задумай они нырнуть в лужу с тридцатиметровой скалы, я бы и глазом не моргнула. Так что я ворчала только из-за одежды, потому что часами стирала, сушила, гладила ее; к тому же меня это раздражало: как можно проявлять одновременно такую ловкость и такую неуклюжесть? Они ходили на руках, зажав голову между ляжками, делали мостик, таскали друг друга на плечах, но не умели ни пить, ни есть, не перепачкавшись. Я чуяла какой-то подвох: если им удаются сложные движения, почему не даются простые жесты? В то время, господин, я не знала, что дар — это несправедливость, как для тех, кто им наделен, так и для тех, у кого его нет. Короче, я из лени решила, пусть ходят в одних шортах. И представьте, оказавшись почти нагишом, они перестали пачкаться, раниться и царапаться! Такие вот это были дети, дети, которых одежда делает неуклюжими, дети, не созданные для ботинок,

брюк, свитеров — всего, что сковывает.

— Это что, совет? — Я сделал свой вывод. — Может, мне продолжить работу раздетым?

Я улыбнулся. Она покраснела и уткнулась в складки моей уже почти чистой сорочки.

Госпожа Минг и правда обладала талантом изрекать колоссальную ложь с ангельской мягкостью. В глубине души меня веселил ее бред. Я вступил в игру:

— Куна и Конга пригласили работать в цирк?

Она вздрогнула:

— Откуда вы знаете?

Про себя я подумал: «Логика вымысла… Все заканчивается падением»; внешне же ограничился удовлетворенной улыбкой. Она продолжала:

— Кун и Конг стали акробатами в Национальном цирке. Это было нелегко…

— Почему?

— Потому что они похожи, как два яйца. Совершенно одинаковые. С ума можно сойти. Даже я, их мать, путалась; никогда не знала, досталась ли отвешенная мною Куну оплеуха именно Куну, а не Конгу. На самом деле все зависело от них. Их сходство было столь поразительным, что, когда они вдвоем делали акробатические этюды, это уже никого не удивляло. Видя, насколько они

одинаковы, неправдоподобно одинаковы, люди полагали, что природа уже сделала свое дело. Так что им пришлось попотеть, моим близнецам, чтобы идеально отшлифовать ошеломительный акробатический номер, в котором они синхронно выполняли все движения. Полный провал! Зрители зевали… Какая жестокость! Им казалось, что каждый из мальчиков — это отражение другого в зеркале. А отражением-то никого не поразишь… Я сказала Куну и Конгу, что им надо сделать так, чтобы их различали. Решиться на разные прически, отказаться от одинаковых костюмов, по-разному гримироваться. Еще я настояла на том, чтобы Кун поправился, а Конг похудел. Слезы! Целая драма… Я была непреклонна. Они подчинились. В них не только перестали признавать близнецов, но даже не могли заподозрить, что они родственники. Когда они снова показали свой номер, зрители аплодировали стоя.

— Они часто вас навещают?

Она помрачнела.

— Нет. Национальный цирк много гастролирует. Повсюду. Думаю, сейчас они как раз в вашей стране… во Франции… в городе Мароко… или Маноко…

— Монако?

Она поблагодарила меня, довольная, что ей удалось исправить свою ошибку, и, чтобы запомнить произношение, несколько раз повторила:

— Монако! Монако! Монако!

Я не знал, умиляет или раздражает меня правдоподобность деталей ее хвастливой импровизации.

— Монако — это не французский город, хотя находится во Франции. Это княжество, — уточнил я. — Королевство на скале.

Госпожа Минг скептически нахмурилась. Королевство на скале? Нефранцузский город на французской территории? Это ее не убедило, и она чуть ли не с раздражением смерила меня недоверчивым взглядом.

Этой искорки оказалось достаточно, чтобы подпалить порох. Какая наглость! Сомневаться в моих словах, притом что сама бесстыдно дурачит меня россказнями о десятке детей! Меня охватила ярость. Против воли я попытался уличить ее в противоречиях:

— Госпожа Минг, а власти не шокированы тем, что у вас десять детей?

— Мы жили в сельской местности, в очень уединенном доме.

— И никто на вас не донес?

— А что плохого мы делали? Мы с мужем хотели иметь десять детей, у нас десять и было, мы их хорошо воспитывали. С чего бы людям к нам цепляться?

Я вздохнул, но не прекратил своего допроса:

— Какой-нибудь завистливый, чем-то недовольный сосед мог бы донести на вас.

— Мы часто переезжали.

— Учитель мог бы заинтересоваться…

— У наших детей разные фамилии. Мы попросили их говорить, что они двоюродные, а не родные.

Я отметил, что она серьезно обдумала свой вымысел, чтобы придать ему достоверности; разумеется, я был не первым, кому она хвастается своим выводком из десяти детей…

— Кто-нибудь из них до сих пор живет с вами?

— Нет, никто.

— Почему?

— Они взрослые. Все работают.

— Здесь?

— Повсюду. Некоторые далеко.

— Странно, правда?

Она выпрямилась на табурете.

— После смерти мужа я обосновалась в Юнхаи.

— Почему?

Она пожала плечами, сожалея, что необходимо признать очевидное:

— Здесь есть работа. Прежде чем получить эту должность в «Гранд-отеле», я три года была работницей на фабрике «Перл-Ривер пластик продакшн».

Пораженный, я воскликнул:

— «Перл-Ривер пластик продакшн»? Я тоже с ними сотрудничаю! Забавно…

Она метнула в мою сторону враждебный взгляд, полагая, что нет повода ни для смеха, ни для удивления — «Перл-Ривер пластик продакшн» обеспечивала большую часть рабочих мест в Юнхаи.

— А в какой службе вы работали в «Перл»?

— В мастерской кукол-голышей.

Она вернула мне галстук и сорочку, схватила свою сумку, убрала в нее все принадлежности, вытряхнула мелочь из чашки и, не поднимая глаз, произнесла вежливо, но желчно:

— До свидания, господин.

Я поблагодарил ее, попрощался и машинально направился к лестнице; и только поднявшись до середины, понял, что дама-пипи только что спровадила меня.

Назавтра меня отвезли на фабрику «Перл-Ривер

пластик продакшн» — директор и двое торговых представителей, чье терпение я испытывал, считали необходимым, чтобы я посетил ее.

В гигантских ангарах — четыре стены и крыша, минималистская архитектура, — сотни служащих в молчании делали игрушки. В каждом здании разделение обязанностей воспроизводило черты современного сексизма: мужчины работали с машинками, женщины — с куклами.

Мастерская голышей, та самая, где прежде служила госпожа Минг, поразила меня. Большие зарешеченные вагонетки перевозили одинаковые, розовые части тела, рассортированные по видам: ящик голов, ящик туловищ, ящик правых рук, ящик левых рук, ящик с правыми ногами и ящик с левыми. Грубо вываленные на ленту транспортера анатомические фрагменты хватали рабочие, быстро соединяли один с другим, чтобы в конце конвейера появлялся полностью собранный пупс.

Точно бойня наоборот, куда существа прибывают расчлененными, а выходят целыми.

Тысяча пупсов рождалась здесь каждый день. Поскольку лица женщин были скрыты бумажными масками, а волосы убраны под голубые шапочки, они напоминали медсестер, помога-

ющих младенцам появиться на свет. Странные няни, точные, расторопные, безразличные, они приделывали голову к обезглавленному телу, сочленяли руки, привинчивали ноги, выбрасывали в мусорное ведро кривую конечность или треснувший череп, надавливали на тело, чтобы проверить его прочность, до тех пор, пока не предъявят хорошеньких голеньких младенчиков старшей медсестре, в конце цепочки контролирующей их жизнеспособность. Ловкие руки портних одевали избранных в штанишки, пижамки, комбинезончики, а потом снова отправляли на конвейер. Для полного сходства с родильным домом не хватало криков, кудахтанья, ликования, комплиментов, смеха; слышался лишь гул машин.

У выхода я засмотрелся на сваленные грудой тела: они настолько были похожи на реальных людей, что подобная скученность шокировала меня. Их одинаковость тоже смущала. Которого выбрать? Которого выделить из всех? Почему этот, а не тот? Размышляя таким образом, я имел несчастье обвести взглядом всю фабрику: выряженные в бирюзовые халаты китайцы в масках и шапочках были все на одно лицо! Я вздрогнул… Как? Это и есть наш удел? Мы считаем себя штуч-

ными, хотя отлиты все из одной-единственной формы? Одинаковые даже в своем стремлении быть единственными…

Чтобы отвлечься от этих мрачных соображений, я встряхнулся, сделал несколько шагов, решив потрогать голышей. Если сегодня они еще взаимозаменяемы, то завтра, попав в руки ребенку, они станут разными, наполнятся любовью, обретут историю. Именно воображение выделяет, воображение, вырывающее из обыденности, повторения, единообразия. В судьбе игрушек я различил судьбу людей: только воображение, создавая вымыслы и выковывая идеальные связи, создает оригинал. Без воображения мы были бы похожими, слишком похожими; аналогами, сваленными грудой один на другого в вагонетки реальности.

Госпожа Минг законно блефовала. Порой судьба поражает так внезапно, что достаточно фантазии, чтобы смягчить ее. Думая о трех годах, проведенных моей собеседницей в этом месте, где жизнь сводится к нелепым действиям, повторяемым двенадцать часов подряд среди других коллег-автоматов, я понимал ее желание освободиться, уйти, глотнуть другого воздуха. Да, в этой тюрьме иллюзия оставалась небом, сулящим

надежду. Романическая история о десяти детях спасала ее.

Вернувшись в «Гранд-отель», я, преисполненный нового сострадания к госпоже Минг и ее обманам, тут же спустился в туалет; мне хотелось поскорее изгладить неловкое впечатление, произведенное сначала моим недоверием, а потом инквизиторскими замашками.

Госпожа Минг встретила меня сдержанно. Пока мыл руки, я перехватил ее холодный взгляд — она издали следила за моими движениями.

Как разбить лед?

Неожиданно я бросился к ней:

— Простите мое вчерашнее поведение. Мои вопросы были вам неприятны, к тому же я толком не поблагодарил вас за то, что вы почистили мою одежду.

— Это не имеет значения.

— Имеет.

— Будь благожелателен, но не жди благодарности, — процедила она сквозь зубы больше для себя, чем для меня.

— Я обожаю, когда вы рассказываете о своих детях, госпожа Минг. Я чувствую, что вы очень хорошая мать.

Сбитая с толку, она покраснела. Я воспользо-

вался этим:

— К тому же избалованы: ваши отпрыски принадлежат к тиграм и драконам. Вы описали мне только троих, Ли Мэй, Куна и Конга, но держу пари, остальные тоже замечательные.

Польщенная, она невнятно пролепетала:

— Нормальные. Каждое существо проявляет себя по-своему. Если это не так, виноваты мы, потому что не видим.

— Расскажите о них.

— Вы…

— Я запомнил, что у вас есть малышка Да Сиа.

— Да Сиа? Милое имя, но ужасный ребенок, у Да Сиа была навязчивая идея: убить госпожу Мао.

— Простите, как?

— В пятилетнем возрасте эта соплячка Да Сиа с крошечным носиком и тонкими, как шнурки, косичками заявила нам: «Когда я вырасту, то убью госпожу Мао. — И со свирепым видом добавила: — А может, и раньше!» Приняв эту угрозу за детскую браваду, мы с мужем расхохотались, ее братья и сестры, разумеется, тоже. Как бы не так! Да Сиа зациклилась на этой идее, стала ее развивать. Она непрерывно готовила свой убийственный план, по ночам он ей снился, днем она его обдумывала. Спрашивала у взрослых, какие

существуют способы кого-нибудь укокошить. Едва научившись читать, стала искать ответа в энциклопедиях. Страшно воспитывать девочку, разбирающуюся в ядах и помешанную на карабинах, которая каждое утро упражняется с холодным оружием, одновременно излагая вам пятнадцать способов задушить человека. В какой-то момент я испугалась, как бы она не начала тренироваться на животных с фермы, а заодно и на своих братьях и сестрах. Впрочем, очень вспыльчивая, даже горячая, легко впадающая в ярость, Да Сиа была предана своим. Зато стоило упомянуть госпожу Мао…

— Почему именно госпожу Мао?

— Да Сиа ненавидела эту паршивую овцу, которая во время Культурной революции убивала сотни тысяч китайцев, отправляла в лагеря переобучения блестящих людей, чтобы унизить их и загубить их талант, продвигала дураков, уничтожила театр, оперу, музыку. Ее не случайно прозвали «демоном с белыми костями», то есть злобным чудовищем. Скольких людей она сделала трупами… К тому же после смерти Великого Кормчего она рассудила, что теперь власть принадлежит ей! Вы помните Банду четырех, этих проходимцев Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюаня, Ван

Хунвэня и вдову Мао? Да Сиа начала размышлять во время суда над ними. Процесс показывали по телевидению. Они стали знаменитостями. А новый режим сумел отчитаться, что покончил с хаосом, истреблением людей, радикальной политикой, левыми загибами, всем тем, что мы только что пережили. Но народ не обманешь. Мы понимали, что правительство исполняет для нас фарс: выставляя напоказ тиранов, оно превращало их в козлов отпущения. Увы, хотя мы и чуяли уловку, стоило нам увидеть спектакль, как мы о ней забывали. Было страшно, завораживающе и уморительно смотреть, как эта сучка — вдова Мао — в телевизоре вопит, тыча пальцем, с пеной на губах, плюясь в своих обвинителей. Там бывшая шанхайская старлетка обрела наконец свою публику; впрочем, она больше не играла. Да Сиа сидела, не сводя глаз с экрана, точно кошка перед клеткой с птичками. Когда вдова Мао была приговорена к смерти, Да Сиа зааплодировала и до полуночи плясала вокруг стола. Однако трибунал дал этой деспотичной старухе два года отсрочки, чтобы она могла раскаяться; моя Да Сиа, хотя и не обладала богатым жизненным опытом, все же догадалась, что эта женщина никогда не испытает ни угрызений совести, ни раскаяния; так что

она решила ее убить.

— Поборница справедливости?

— Разве убивать справедливо? Но вдова Мао прожила годы, и никто не собирался наказывать ее — вот что шокировало Да Сиа и многих моих сограждан. Да Сиа намеревалась заменить палача. Потом…

— Что потом?

— По телевизору объявили, что вдова Мао покончила с собой у себя дома. Да Сиа была в ярости. Угнетательница украла у нее ее поступок. Но худшее еще было впереди… Через некоторое время мы узнали, что самоубийство произошло двумя годами раньше. Два года! На протяжении двадцати четырех месяцев власти это скрывали. Да Сиа разрыдалась: ей не только сломали судьбу, но вдобавок она обнаружила, что эти последние годы зря старалась, чтобы усовершенствоваться в убийстве. С этого дня она перестала выходить из своей комнаты и отказалась от пищи.

— И что вы сделали?

— Отец предложил ей ненавидеть других тиранов, даже составил список. Но она и слышать не хотела и выпроводила его вон.

— И тогда?

— Я сказала ей: «Доченька, если ты встретишь

достойного человека, попытайся стать на него похожей; если ты встретишь посредственность, ищи в себе его недостатки». Она поняла.

— А я нет…

— Вы напоминаете мне моего мужа… У Да Сиа был такой же темперамент, как у госпожи Мао. Живая, вспыльчивая, жесткая, независимая, имеющая влияние на близких. Скорее ласковая, чем любящая, склонная покорять, а не покоряться. Если, будучи девочкой, госпожа Мао наотрез отказалась, чтобы ей бинтовали ступни, то Да Сиа в клочья рвала платья, доставшиеся ей от старшей сестры Тинг Тинг. Если она чего-то желала, то считала, что вместе с ней этого должны хотеть все. Госпожа Мао как-то бросила главарям коммунистов: «Служить мне — это служить народу», а Да Сиа кричала братьям, которые отказывались дать ей перочинный ножик: «Помогать мне — это помогать справедливости». Как и вдова Мао, Да Сиа была убеждена, что она необыкновенная девочка, гораздо выше многих других; если какой-нибудь взрослый не понимал этого, она обижалась, а потом очень быстро становилась агрессивной. Для нее убить госпожу Мао главным образом означало убить госпожу Мао, сидящую в ней самой.

— Браво!

— Иметь недостатки и не исправлять их — вот в чем настоящий порок. Да Сиа доказала нам, что она способна к совершенствованию. Она неустанно старалась бороться скорее против своего характера, нежели против фантома госпожи Мао. Мудрец обнаружит причину своих недостатков в себе; глупец обвинит в них других.

— Где она живет?

— В Гонконге. Охотница за головами, работает в рекрутерской фирме. И сменила уже трех мужей.

— Как госпожа Мао…

Несмотря на то что была увлечена своим рассказом, в ответ на мое замечание госпожа Минг хихикнула, показав, что не лишена чувства юмора.

— Ой, — продолжала она, — по этому поводу ее сестра Тинг Тинг…

В этот момент вошел толстопузый и высокий мужчина, эдакий энергичный здоровяк с грубыми чертами лица и медвежьей статью. Она замерла. С улыбкой до ушей на потном лице, он принялся орать на недоступном мне диалекте — языке хакка. С чрезвычайной приветливостью он похлопал свою соотечественницу по плечу и ринулся к писсуару. Опорожняя мочевой пузырь, он

что-то напевал, потом рыгнул, окликнул госпожу Минг, проревел еще одну тираду, прерываемую притворным смехом, и наконец удалился, позабыв оставить чаевые.

— Родственник? — поинтересовался я.

— Нет.

— Он вел себя так, будто хорошо вас знает.

— Воспитанный человек дружелюбен без фамильярности; вульгарный человек фамильярен без дружелюбия.

Ворвалась толпа американцев, и я оставил госпожу Минг в ее ведомстве чистоты.

Следующие пять дней я посвятил поездке в Шэньчжэнь для налаживания контактов. Вернувшись в Юнхаи и торопясь завершить переговоры, я знал, что у меня очень мало времени для того, чтобы вновь выслушивать фантасмагории госпожи Минг.

В понедельник я принес раздобытую в Шэньчжэне коробку французских сластей.

— Возьмите, госпожа Минг, я вернусь только через полгода: вот скромный подарок.

Растроганная, она стала протестовать, отказываться, потом согласилась, схватила пакет, после некоторых сомнений открыла его, снова запротестовала, придя в восторг при виде шоколадных

конфет, вернула мне их, сославшись на то, что они слишком роскошные, потом снова приняла и пятнадцать раз поблагодарила меня, настаивая, чтобы я вместе с ней их попробовал.

Мы уселись друг против друга за ее шатким столиком.

— Опишите мне Флёр и Тьери, — потребовала она, с довольным постанываниям проглотив конфету с начинкой пралине.

Догадавшись, что буду лишен рассказа, если не подчинюсь, я поведал ей парочку историй.

Пока я описывал ей свою жизнь с Флёр и Тьери, она внимательно смотрела на меня. Под лазерным прицелом ее взгляда я терял вдохновение, все менее уверенный в том, что мое повествование представляет для нее интерес.

Через несколько минут, смущенный ее напряженным вниманием, я капитулировал:

— Госпожа Минг, подарите мне совет. Вы такая дальновидная мать. Как мне стать хорошим отцом?

Ее щеки в красных прожилках побагровели еще больше. Она изобразила нерешительность.

— Бесполезно.

— Почему?

— Опыт — это свеча, которая светит только

тому, кто ее держит.

Чувствуя ее сопротивление, я все же настаивал. Она прервала мои мольбы:

— Зачем вы меня обманываете?

— Простите, что?

— Я очень ценю вас, господин, и признательна вам за внимание, но зачем вы лжете?

Я остолбенел с открытым ртом, ошеломленный иронией ситуации: эта женщина, городящая небылицы, эта женщина, выдумавшая десять жизней, эта женщина обвиняла меня в обмане!

Качая головой, она добавила дрожащим от волнения голосом:

— Моя подруга На работает на рецепции отеля, там, наверху. Как-то случайно мы разговорились о вас. Чтобы убедиться, что мы говорим об одном и том же человеке, она распечатала вашу регистрационную карточку.

Я в ужасе побледнел.

— Кто эти мальчик и девочка на фотографии, которую вы храните? — спросила она сладким голосом. — По официальным документам у вас нет детей.

Это было слишком. Я покинул помещение, поднялся к себе в номер. Улегся в кровать и позвонил по телефону, чтобы перенести встречу,

сославшись на недомогание. Впрочем, я не преувеличивал, потому что день и ночь меня рвало. Я блевал, вместо того чтобы плакать. Блевал, чтобы освободиться от своих фрустраций. Блевал, чтобы опустошить себя.

Да, госпожа Минг попала в точку: я ее надул.

Я не только пыжился, я еще и забыл о своем бахвальстве. Когда две недели назад фотография моих племянников выскользнула у меня из кармана, я позволил госпоже Минг строить догадки о том, мои ли это дети; помимо того, что в тот момент эта путаница не имела значения, двусмысленность доставила мне удовольствие; потом я уже не осмелился пойти на попятную; более того, я упивался своим обманом, пьянея от мысли, что украл у сестры ее отпрысков, шалея от собственных рассказов о своем отцовстве.

Во вторник утром, чтобы поднять самооценку, я в течение трех часов доработал все контракты и завершил все дела, после чего ноги сами понесли меня в подвал.

Когда я появился, ожидавшая моего прихода госпожа Минг удовлетворенно фыркнула.

Я стоял перед ней, безвольно свесив руки вдоль тела, она же встретила меня снисходительно, как выздоравливающего.

— Почему? — прошептала она.

Я отвел глаза.

— Почему что? Почему я ввел вас в заблуждение или почему у меня нет детей?

— Почему у вас их нет?

— Я люблю ездить, двигаться, путешествовать.

— Миллионы отцов отлучаются без всякого стеснения.

— Среди женщин, с которыми я встречался, я не нашел матери своих детей.

— Лучше признайтесь, что встретившиеся вам женщины так и не разглядели в вас отца.

Она передвинула чашку с мелочью и добавила:

— Очень жаль! Вам бы следовало рискнуть… В этом меня убедил мой второй, Хо: его сын проявил в нем отца; с первых же мгновений его потряс взгляд новорожденного, заставил повзрослеть. Кстати, нет никакой заслуги Хо в том, что он произвел на свет ребенка — едва ли он отдавал себе в этом отчет, — он все такой же непоследовательный, любит поспорить, сыграть в покер, помешан на рулетке, фанатично любит ма-джонг. В общем, мальчик, надеющийся обмануть случай и разоряющийся, пытаясь этого достичь. Неудачник, видящий себя героем… Он меня беспокоит! Хо не

учится на своих ошибках. Жена его выгнала, друзья его избегают. Он меня огорчает: если в зрелом возрасте человек все еще достоин порицания, надежды нет.

Она так глубоко вздохнула, что ее тощая грудь приподнялась.

— Когда я думаю о Хо, мне бы хотелось быть матерью-дубом или матерью-липой. Деревья не то что люди: чем выше они, тем больше стремятся в небо.

Она умолкла, поняв, что отклонилась от темы. Потом печально взглянула на меня:

— Не прячьтесь от действительности. Позвольте себе страдать оттого, что у вас нет семьи. Порой стоит открыть дверь горю.

Во всяком случае, госпожа Минг широко распахнула передо мной эту дверь… Сердце рвалось из груди, я ощущал глубину пустоты, этого отсутствия детей в моей жизни. Слишком поздно? Успею ли я еще создать семью?

Она как будто услышала мои мысли и заметила:

— Время еще есть. Вы, мужчины, вольны опаздывать на эти свидания.

Я мог бы поставить ее на место, объяснить, что ей тоже есть в чем себя упрекнуть, — но воздер-

жался.

Неожиданный приход грума напомнил, что мне пора отправляться в Пекин; я что-то пробормотал на прощание.

Я вернулся в Париж и позабыл обо всем: о Китае, о госпоже Минг, о ее психических отклонениях, о своих собственных, — самолет, пролетев восемь тысяч двести километров, стер их; мои вопросы остались там, где возникли, в Юнхаи.

В Сен-Жермен-де-Пре я бросился в объятия своей подруги Ирэн, красавицы такого же свободного поведения, как мое собственное. Тридцать четыре года, рыжая, стройная, заносчивая, с неотразимыми бедрами, адвокат, специализирующийся на вопросах интеллектуальной собственности, — она представляла собой именно ту женщину, которую я мог бы полюбить. Если бы допустил такую возможность. Я же заранее предупреждал своих партнерш о том, что не готов к семейным отношениям, и придерживался своей линии.

Когда после объятий, которые разлука сделала более пылкими, мы выбрались из постели, Ирэн сообщила мне, что беременна.

Я молчал.

Она повторила.

Я пришел в бешенство, у меня невольно вы-

рвалось:

— Я с тобой спал, но никогда у нас и речи не было делать детей.

— Это случайность.

— И что, по-твоему, отец — я?

— Очень вероятно.

— Сомневаюсь.

— Ладно, я не совсем уверена… Хотя склоняюсь к этому.

— Кто еще претендует на роль производителя?

— Ты их знаешь, мой бывший муж Пьер и случайный любовник Бенуа.

Воспользовавшись ее откровенностью, я сообщил, что ухожу, и, недолго думая, очистил помещение.

Потрясенная Ирэн, плотно сжав губы, с сухими глазами, смотрела, как я ухожу. Я так ценил ее независимость, дерзость, свободолюбивую отвагу, а теперь Ирэн пытается нагрузить меня семейными проблемами. С этого дня я перестал отвечать на ее звонки и эсэмэски.

Фирма отправила меня в Северную Америку, потом в Скандинавию. Как-то неожиданно во время этих переездов я понял, что долгие годы отстранялся от обязательств, непрерывной деятельностью оберегал себя от самокопания. Пере-

мещения сулили новизну. Каждая командировка вызывала амнезию моего предыдущего существования, предлагая усвоить прежде неведомые детали. Благодаря постоянно обновляющимся обстоятельствам я сталкивался только с внешними проблемами и никогда — с внутренними. Заблуждение коммивояжеров…

Когда через семь месяцев я вновь ступил на китайскую землю, меня, словно какая-то местная аллергия, охватила потребность растить детей. Я был вне себя. Почему? Почему здесь? Если Китай так будоражит мои отеческие чувства, связано ли это с тем, что бурлящая вокруг толпа заражает меня стремлением добавить еще одну жизнь к прочим жизням, или, наоборот, суровое ограничение рождаемости заставляет задуматься о собственном потомстве? Я принялся перечитывать в телефоне сообщения от Ирэн, которая короткими фразами держала меня в курсе своей беременности.

Шофер машины, везущей меня в «Гранд-отель» в Юнхаи, включил радио. В сводке новостей какой-то представитель правительства выразил удовлетворение тем, что благодаря закону о единственном ребенке не родилось 400 миллионов китайцев. Это замечание ошеломило меня: как

можно радоваться 400 миллионам фантомов? То есть 400 миллионам отсутствующих… Почему предпочтительнее вкладывать в небытие, а не в существование? Среди этих толп не появившихся на свет китайцев, разумеется, были интеллектуалы, замечательные личности, востребованные, отважные люди, а может быть, новый Моцарт, следующий Эйнштейн, будущий Пастер, те, чей гений преобразовал бы все человечество… Нет, здесь, за исключением госпожи Минг, это никого не шокировало: опасаясь перенаселения и его следствия, голода, правительство, члены комитета по планированию семьи ликовали, что этого не произошло… 400 миллионов раз ничего не произошло…

Оказавшись в своем номере, я не сразу бросился к госпоже Минг.

Но думал я только о ней… Мне хотелось, чтобы она поговорила со мной, поведала мне о жизненных перипетиях своих отпрысков, которых она якобы воспитала. Сквозь кружево ее воображения я различал тоску по детям, жажду что-то кому-то передать, стремление любить… Быть может, это были и мои чувства?

— Что за идиотская мысль? Чего тянуть?..

После того как я принял решение не спешить,

прошло всего пять минут, а я уже предстал перед госпожой Минг.

Нас охватила живая, искренняя, могучая радость, которая удивила обоих. Пользуясь тем, что в этот час посетители туалета были редки, мы жадно предались болтовне, старательно обходя опасные углы: она не упомянула Флёр и Тьери, я делал вид, что не знаю, что она сочиняет.

Несмотря на все предосторожности, тема семьи быстро возникла в нашем разговоре. Хотя китаец не станет говорить о политике с незнакомым, а тем более с иностранцем, стоило мне упомянуть речь представителя правительства о снижении рождаемости, она взорвалась:

— В Китае родительские обязанности сведены к воспитанию одного ребенка, но это не улучшает ни родителей, ни детей. Появились миллионы папаш и мамаш, тревожно и истерично в вечном напряжении семенящих за сынком, который чувствует себя императором. Наша страна становится фабрикой по производству эгоистов и обслуживающих их невротиков.

— Как вы думаете, кто в семье менее защищен?

— Разумеется, женщина.

— Почему? Мне кажется, должно быть одина-

ково…

— О, я знаю: для деторождения мужчина и женщина совершают усилие, соответствующее принципу разделения труда.

— Разве что мужчина пользуется женщиной. Он наслаждается, а потом, когда она беременеет, уходит.

— Это так кажется, господин. Материнство реально только для женщин. Наслаждение, которое длится долго.

Она почесала голову и продолжила:

— От этого закона о единственном ребенке есть одна польза: в семье нет любимчика. У родителей нет выбора. Так что больше ни один ребенок не подумает, что его любят меньше, чем его брата или сестру. Меньше страданий. Меньше лишних людей.

— Вы это испытали?

— Рю и Жу! Сыновья родились у меня с разницей в два года. Золотые дети, обладающие необыкновенными способностями. О, я говорю об этом с гордостью, но без тщеславия, господин… Хотя они и вышли из моего чрева, не я разыграла в кости их достоинства; тут приложила руку Удача. Какие результаты! Рю проявлял чудеса памяти, Жу — чудеса сообразительности. Рю пом-

нил все: названия, иероглифы, даты, истории, а когда научился читать — знал наизусть все книги, которые читал в несметных количествах. Он усваивал груду информации и никогда не пресыщался. Его память не уподоблялась рту, который все заглатывает, она обладала также голодным желудком. Ему была необходима обязательная порция, иначе он поглощал все подряд: инструкции, расписания поездов на территории Китая и тысячи пересадочных пунктов, ежедневные сводки погоды из старых календарей за десять лет, да еще, благодаря оставшимся от моей бабушки журналам, программы шанхайских мюзик-холлов двадцатых годов прошлого века. Сначала мой муж снабжал его словарями, которые брал на работе — он был служащий, — или партийными брошюрами; он бросал ему их, как кость собаке, просто чтобы отвлечь. Однако, когда наш малыш, найдя в помойке учебник английского языка, принялся болтать по-американски, мы решили всерьез заняться его образованием. В течение нескольких лет Рю овладел исчерпывающими знаниями местных диалектов: юэ, гань, хакка, сян, минь, а заодно чешским, венгерским, русским, болгарским, албанским языками, а когда создали школьную библиотеку, еще и

устойчивыми выражениями дружественных коммунистических держав. Однако мы, хоть и были потрясены, не обольщались. Во-первых, потому, что Рю обладал только книжным представлением об этих языках, которых он никогда не слышал, — это мы осознали при виде помирающего со смеху при каждом слове Рю венгра. Во-вторых, потому, что Рю не высказывал никаких выдающихся мыслей, как если бы память заменила ему разум. Конечно, он мог разговаривать на шести или семи языках. Но что он говорил? Его речь хромала. Ничего особенного не возникло в его набитой словарями голове: ни новых образов, ни собственной точки зрения, ни острой реакции. Полный ноль. Калека, взгромоздившийся на самый скоростной велосипед в мире. Зато Жу, его младший брат, проявлял стремительную сообразительность. Нет, говорить он начал поздно; зато сразу полными фразами, да еще какими! В трехлетнем возрасте он так объяснил, почему уклоняется от игр со своими братьями и сестрами: «Не усердствуй в уединении, не усердствуй в общении, золотая середина — вот в чем мудрость». Через некоторое время, когда я поинтересовалась, почему он гладит картошку, когда я его просила почистить ее, он

воскликнул: «Тот, кто двигает горы, начинает с того, что поднимает мелкие камни». Как-то отец отругал его за какую-то шалость, так он, вместо того чтобы набычиться, как братья, или расплакаться, как сестры, оставался безмятежным. Когда муж, выдохшись, поинтересовался причиной такого поведения, он улыбнулся: «При сильном ветре трава всегда гнется». Вначале его ответ ошеломил нас. Впрочем, вскоре мы догадались, что он использует свою прозорливость только из лени и глумления. Он выдавал эти сентенции, только чтобы скрыть, что он ничего не делает, ничему не учится и смеется над другими. Главной его мишенью был Рю. Жу ухмылялся, когда тот демонстрировал свое новое достижение. Как-то утром, когда я возмущалась, что он презирает дарования брата, Жу пробурчал: «Слушать или читать, не размышляя, — пустое занятие». Рю разрыдался: «Ты злой!» Жу пожал плечами и возразил: «Можно сделать вид, что у тебя есть чувства, но нельзя изобразить наличие мыслей». Я одернула его: «Твой брат не жалеет усилий, а ты проспал свои способности. Он перегонит тебя, потому что он жаден до учебы и тянется к знанию». — «Ну да, — отвечал наглец, — Рю, видно, проехал свою остановку». Я отчитала его

и предложила, если он считает себя лучше брата, помочь ему. «Ладно», — согласился Жу. И что же он затеял? Результат нас удивил. Через несколько дней Рю начал выдавать разумные, прозорливые, соответствующие ситуации суждения. Наши десять детей обсуждали свое профессиональное будущее, как вдруг Рю неожиданно произнес: «Выбирайте работу, которая вас увлекает, и вам не придется трудиться ни одного дня в своей жизни». На другой день, когда мой муж рассказал, что начальник на работе изводит его своими нападками, хотя он выполняет свои обязанности и помогает коллегам, Рю провозгласил: «Возвышенный человек требует только с самого себя; человек пошлый и недостойный требует все с других». Польщенный, отец поблагодарил Рю за его мысль, а Жу — за то, что он развил в брате остроту ума. Дальше — больше. Как-то, когда мы обсуждали, чем отличается вкус личи от кумквата, Рю заметил: «Бедняку трудно не испытывать никакой злобы; богатому легко не кичиться этим». Подобные несуразности случались редко, и Рю выглядел столь уверенным в себе, что мы решили, что чего-то не поняли. Короче говоря, его остроты так поразили нас, что мы не подумали похвалить Жу. Так что, вероятно, он стал

менее предусмотрительным и подтолкнул нас к разгадке остроумия Рю. Жу приказал Рю выучить наизусть «Беседы» Конфуция, пронумеровав его максимы. Пока мы болтали, Жу шептал брату номер, и тот через секунду выдавал блистательную сентенцию. Рю со своей феноменальной памятью никогда не ошибался, зато Жу, будучи дилетантом, давал сбой, путал 83 и 135, отсюда этот абсурдный афоризм. В то же время Жу был столь изворотлив, что я подозревала, будто он путает специально, чтобы иметь возможность порадоваться высказанным братом глупостям… Так возникла чудовищная дилемма.

— Вы о чем?

— Оба наших мальчика обладали незаурядными способностями: нужно было решить, кого из них продвигать, отправив в столичную элитную школу. У нас не было денег, к тому же у родственника, готового приютить нас в Пекине, была всего одна небольшая комната.

— И что тогда?

— Я позвала обоих сыновей и сказала им: «Учиться, не думая, бесполезно; думать, не учась, опасно. Ни один из вас не преуспеет, если не исправится. Так что я не стану выбирать — вы будете по очереди жить у дяди, месяц здесь, месяц

в Пекине». И представьте, сработало! Трудности стимулировали их. Или горечь… Потому что они были одарены; возвращаясь в Пекин, они возмещали пропущенные недели, дома Жу учился, а Рю размышлял.

— Золотая середина победила.

— Точно. Моя старшая, Тинг Тинг, уверяла, что…

Директор «Гранд-отеля» увлек меня за собой, чтобы поприветствовать и выразить свое почтение, даже не догадываясь, что прервал задушевный разговор, который я бы предпочел продолжить.

Назавтра я возобновил свои переговоры с «Перл-Ривер пластик продакшн». Мы с партнерами обменялись подарками. В нашей компании появился новенький, Джин, худой и лохматый. Он протянул мне «Беседы» Конфуция на французском языке, его внимание тронуло меня. Не сочтя нужным сообщить ему, что накануне этот труд упоминала госпожа Минг, я стал перелистывать книгу.

Во время переговоров я тщетно подстерегал момент, когда уместно будет прервать их; увы, на сей раз я встретился со своей приятельницей только во время перерыва и показал ей собствен-

ный экземпляр Конфуция.

— Как, вы прежде его не читали?

Для нее не знать Конфуция было так же нелепо, как никогда не есть риса.

— Нет, мне стыдно. Нынче же вечером исправлюсь.

Она простила меня:

— Тот, кто каждый день не двигается вперед, каждый день отступает назад.

Подсчитав, что она уже рассказала мне о семерых своих детях, я горел желанием услышать жизнеописания, состряпанные ею для оставшихся троих.

— Вы собирались рассказать мне о старшей дочери.

— О, моя Тинг Тинг…

Произнеся это имя, она покраснела. Оценив степень отразившегося на ее лице блаженства, я пришел к выводу, что она создала себе идеальную семью. В сущности, какое нам дело до истины, только счастье имеет значение, разве не так?

— Вы скоро ее увидите, — в волнении прошептала госпожа Минг.

— Как?

— Тинг Тинг пообещала навестить меня.

Вот тут я подумал, что, превысив скорость сво-

ей мифомании, она сильно рискует; уверен, на следующей неделе она скажет, что я пропустил визит Тинг Тинг, опоздал всего на пару секунд, чуть раньше — и мы непременно встретились бы, однако ее наглость обернется против нее. Невозмутимая хвастунья стояла на своем:

— Сначала она должна погостить у своего брата Ванга. Я вам рассказывала про Ванга?

— Нет.

— Как? Ванг дает мне столько поводов гордиться им. Он создает сады мечты.

— Простите, что?

— С отрочества Ванг восторгался самыми прекрасными китайскими садами, теми, что упоминаются в нашей литературе. Читая и перечитывая тексты, он серьезно изучил эти увядшие уже века, даже тысячелетия назад сады. Мысленно он бродил по их аллеям, наслаждался их ароматами, гладил лепестки цветов, любовался разноцветной листвой, зимней монотонностью. Порой, после долгого молчания, он рассказывал нам, откуда пришел: из Сада Орхидей или Фруктового Сада Красных Лягушек… Мы с мужем еще больше разожгли его страсть, отправив сына в Школу агрономов. Там Ванг расцвел, получил диплом, затем удостоился должности в мэрии,

на севере страны. Тем не менее после девяти месяцев работы по обновлению муниципальных скверов он сообщил нам, что уезжает делать карьеру в Тайвань…

— И?..

— Получилось! Он произвел коренной переворот в садовом искусстве, предложив людям воображаемые сады. Согласно их вкусам — пионы, камелии, лотосы или цветущие сливы — и любимым временам года Ванг придумывает для них идеальный парк. За определенную сумму он после длительной подготовки описывает им его расположение, преобладающие цвета, последовательность цветения, отдельные пейзажи, пение птиц, журчание источников, спокойствие пруда, где дремлют водяные лилии, перемещение теней, золотистые сумерки, посеребренные луной купы деревьев; а еще за несколько юаней излагает результат в письменном виде.

— Сад слов…

— Какая гениальная мысль! Удостоверившись, что все великолепные сады прошлого исчезли и существуют лишь в текстах, он решил пропустить один этап: он перескакивает сразу в текст. Почему сад обязательно должен быть реальным? Тем более что его реальная жизнь коротка, а

воспоминание о нем сохраняется навсегда. Благодаря Вангу бедняк может иметь участок по своему вкусу. Тому, кто живет в тесном пространстве, Ванг предоставляет гигантское владение. Того, кто страдает от аллергии на пыльцу, Ванг обеспечивает безопасной весной. Старику, который уже не может ходить, Ванг возвращает бесконечные прогулки под кипенью цветущей вишни. Да вдобавок какое снижение цены: никакой земли, не надо покупать растения, каждое творение хранится и украшается надежными и опытными садовниками, которые ничего не стоят! Ванг много читал и учился, так что снобам, презирающим традиционный пейзаж, он может предложить английский парк, французский или итальянский — даже несмотря на то, что, между нами говоря, ничто не может превзойти китайский сад!

В туалет вошел Джин, подаривший мне «Беседы» Конфуция, и чуть ли не с распростертыми объятиями бросился к госпоже Минг.

Мы прекратили болтовню, я дождался Джина и вместе с ним поднялся, чтобы продолжить работу.

В конце встречи, когда мы записывали итоги дня, я все размышлял над рассказом госпожи Минг, который содержал если не признание, то,

во всяком случае, объяснение. Как не разглядеть в воображаемых садах метафоры ее галлюцинаторной семьи, семьи, воплощенной лишь в словах? Разве так уж необходимо этим детям быть реальными, чтобы госпожа Минг их любила? Нет. Однако ее нежность по отношению к ним совершенно реальна.

Складывая документы, я спросил мужчину с правильными чертами лица и черными как смоль волосами:

— Вы родственник госпожи Минг?

— Она три года работала у нас, а я занимался подбором персонала.

— Она хороший работник?

— Очень. Однако нам пришлось ее уволить.

— Почему?

— Она раздражала коллег. Я получил несколько жалоб.

— Чем? Своими историями?

— Работницы завидовали.

— Чему завидовали?

— Ее детям.

— Но ведь их не существует!

— Проведя тщательное расследование, я имею множество причин верить, что они существуют и что госпожа Минг говорит правду.

С этими словами Джин поклонился, развернулся и присоединился к своим коллегам, спускающимся по лестнице.

Сбитый с толку, я даже не подумал нагнать его. Тем более что коллеги, не поняв, что речь идет о личном деле, подошли бы, чтобы разобраться в том, что беспокоит французского покупателя.

Я отправился в гимнастический зал, полагая, что бегущая дорожка освободит меня от моих раздумий. Увы, этот марафон привел к обратному: с каждым шагом мысль о госпоже Минг делалась все более неотступной.

Наконец, обессилев, я сел на скамью и набрал номер телефона Джина.

— Алло? Еще раз благодарю вас за книгу Конфуция, которую вы мне подарили. О, я не могу отвязаться от этой истории с госпожой Минг. Вы когда-нибудь видели ее детей?

Тут я как раз услышал детские голоса и возню вокруг моего собеседника.

— Нет, — ответил Джин, — но когда я пришел к ней, то рассмотрел их фотографии, сувениры, полученные от них. Чтобы убедиться, что это не надувательство, я перелистал записочки, которые они отправили своей матери за долгие годы, письма, написанные разными почерка-

ми, со штемпелями разных областей Китая. Все вместе в точности соответствует тому, что она рассказывает, материальных доказательств с избытком. Поэтому я предпочел избавиться от нее на фабрике: я не хотел, чтобы работницы узнали, что госпожа Минг вовсе не пошлая врунья, но, напротив, возглавляет дружную и многочисленную запретную семью. После чего я устроил ее в «Гранд-отель».

Оглушенный, я поблагодарил его и, прежде чем пожелать прекрасного вечера, спросил:

— Вы посвятили этой работнице свое время. Раздобыв для нее другую работу, вы проявили редкостную доброту. Это выходит за рамки ваших обязанностей в компании, не так ли?

— Я многим ей обязан.

— Вот оно что?

— Благодаря госпоже Минг у меня теперь есть Фен. Слышите ее?

Какая-то девочка приблизила губы к трубке и тоненьким, как иголочка, голоском пискнула:

— Здравствуйте, господин.

Я не стал продолжать разговор. На мгновение я представил себе эту Фен с чертами Ирэн, мимолетно упрекнув себя в том, что бросил ее с ребенком в животе, хотя и не верил, что он мой.

Я долго стоял под душем, потом побрился, причесался и спустился к госпоже Минг.

Несмотря на то что я был сконфужен, при виде меня лицо ее озарилось. Может, она и не подозревала, что я по-прежнему сомневаюсь в том, что она мне рассказывает…

— У вас счастливый вид, госпожа Минг…

— Почему бы и нет? Мой муж испустил дух, а я еще жива. Какой подарок! Я им наслаждаюсь. Тот, кто знает в чем-то толк, отстает от того, кто любит; тот, кто любит, остается позади того, кто наслаждается.

— Я бы хотел, чтобы вы простили меня за то, что я утверждал, будто мои племянники Флёр и Тьери — это мои дети. Я вас оскорбил.

— Несправедливость стирается, если ее удается забыть.

— И все же. Я зашел слишком далеко.

— Иногда бывает нужно… Иначе можно задохнуться.

— С вами такое случается?

— Я об этом думала в связи с Шуангом, моим десятым, таким же вольнодумцем, как его отец. Шуанг страдал от странного порока: не мог не трубить истину во всеуслышание.

— Это порок?

— Искренность — это противоположность рассудительности. Чтобы достичь гармонии между собой и другими, надо анализировать мысли, проверять их, некоторые отбрасывать. Истина не является целью, в ней есть смысл, только когда она чему-то служит; увы, в основном она препятствует движению; хуже: разрушает. Смотрите, как-то один преподаватель был поражен отличным сочинением Шуанга и обвинил его в плутовстве. Мой сын ответил: «Я подумал об этом, это меня привлекло, но я отказался». Какой вывод сделал учитель? Что Шуанг врет. Когда бабушка по отцовской линии поинтересовалась, любит ли он папу, Шуанг ответил: «В зависимости от обстоятельств: иногда да, и мне целый день не хочется с ним расставаться; иногда нет, потому что он кажется мне идиотом, рассеянным, неспособным понять, о чем я ему говорю». А результат? Три пощечины и публичное расторжение родственных уз. Когда первая девушка спросила, считает ли он ее красивой, мой сын объяснил: «Я полагаю, что ты самая красивая, хотя прекрасно знаю, что ошибаюсь». Она выразила неудовольствие, и он уточнил: «На самом деле я ослеплен тем чувством, которое испытываю к тебе. Я утратил всякую объективность. Например, кто-то раскри-

тиковал бы твои сморщенные веки или слишком высокие скулы. Но не я!» Хоп! Разрыв… Он так плакал, что я заперлась с ним в его комнате и призвала задуматься: «Шуанг, дорогой мой, люди не понимают, о чем ты говоришь, твои слова провоцируют непонимание». — «Мама, я повернут на правде! Зачем надо лгать?» — «Сынок, мне кажется, вопрос вот в чем: почему люди не переносят правды? Во-первых, потому, что правда их разочаровывает. Во-вторых, потому, что чаще всего в правде не хватает интереса. В-третьих, потому, что правда совершенно не похожа на действительность — по большей части ложь лучше скроена. В-четвертых, потому, что правда ранит. Я не хочу, чтобы ты вел войну, полагая, что сеешь мир». — «Мама, что же делать? Врать?» — «Нет. Молчать. Молчание — это друг, который никогда не предаст».

Она попрощалась с посетителем, уходящим, не оставив ей чаевых, и продолжала:

— Шуанг подчинился. Сначала он сдерживался с трудом и часто срывался; потом собственный успех окрылил его. Чем больше он молчал, тем больше очаровывал женщин, тем больше глубины ему приписывали, тем больше полномочий давали ему его работодатели. Теперь люди могли

на него положиться.

— А как сейчас?

— На Шанхайском радио комментирует биржевой курс валют. Я всегда слушаю его в полдень. Важный, лаконичный, сдержанный, такой скупой на слова — можно подумать, он скрывает свои познания, — впрочем, как-то он сознался мне, что иногда несет бог знает что. Если же вдруг, случайно, он увлечется и заболтается, я посылаю ему сообщение. Кто насаждает истину, не должен забывать чаще поливать ее.

Она пошла мыть раковину, а я стал размышлять о капризной метеорологии моего сознания: сегодня утром из ее рассказа я бы заключил, что госпожа Минг обосновывает свои выдумки. А уже вечером я догадался, что она предлагает мне более отточенное мнение, согласно которому поклонники истины оказываются варварами, а деликатность превосходит искренность. Для сплоченности и общности безмятежность и понимание оказываются важнее правды.

— Госпожа Минг, расскажите мне о Тинг Тинг.

— С удовольствием. Но завтра. Сегодня вечером мне надо сделать уборку.

Вечером я лег в постель и наугад открыл книгу Конфуция. Прочтя первое же изречение: «Мудрец

спокоен и безмятежен; ничтожество терзают заботы», — я вздрогнул; это заявление вернуло меня к туалетной работнице «Гранд-отеля», более лучезарной, чем проходящие перед ней высокомерные видные деятели. «Счастливый человек довольствуется малым», «Старайтесь во всем придерживаться золотой середины». По мере чтения я понимал, что эти фразы эхом повторяют то, что я слышал из уст госпожи Минг.

Наковыряв в книге идей и отметив, что они меня не удивляют, я вышел на балкон подумать, облокотился на перила и погрузился в созерцание ночного пейзажа. Вокруг, под мглистым небом, ничего красивого, ничего привлекательного, дороги и стремительно вылезшие из-под земли здания, освещенные, как строительные площадки. Ни один город не засыпает полностью, Юнхаи тем более: точно муравьи, с низко опущенными плечами в полночь рядами возвращались с заводов рабочие, вываленные из автобусов, которые тут же производили новый набор, поскольку в это время года заводы работали на полную мощность. Погоня за прибылью сформировала окружающий меня промышленный город, и все же в этой карикатуре на современность я мог разглядеть невидимую архитектуру, неосязаемую

память. Юнхаи мог быть расширен, перемещен, перестроен, стерт с лица земли и вновь выстроен множество раз, он оставался старинным китайским поселением, где продолжалась История. В этих пришедших сюда заработать свою плошку риса мигрантах, в этих тысячах бежавших с полей крестьян, несмотря на коммунизм или меркантилизм, присутствовала Древность. Конфуций царил в умах этих людей: его защита любви к ближнему, его культ уважения к человеку, борьба против несправедливости хранились в головах. В отличие от европейцев, которые берегут галло-римские развалины в центре своих городов, но забывают Сенеку, которые посещают соборы, отказавшись от христианства, китайцы не размещают свою культуру в камнях. Здесь прошлое составляло настоящее духа, а не отпечаток на скале. Памятник оставался вторичен, важнее оказывалось духовное сердце, сохраненное, переданное, живое, бесконечно молодое, более прочное, чем любое здание. Мудрость присутствовала в невидимом, оказавшемся вечным, несмотря на бесконечные метаморфозы, а вот камни рассыпались.

Дама-пипи приближала меня к разгадке азиатской тайны. Именно она, госпожа Минг, пред-

ставляла этот народ, утонченный, гуманный, цивилизованный Китай. Ее устами мне говорил голос многотысячелетней истории; благодаря ей мудрый предшественник Сократа взял меня за руку и повел по лабиринту.

В семь утра я поспешно спустился к ней.

Толстая женщина с низким лбом и мстительным взглядом восседала на месте моей приятельницы.

— Где госпожа Минг?

Церберша приказала, чтобы я шел мочиться.

Мне пришлось повторить вопрос, поскольку до потной матроны никак не доходило, что я беспокоюсь о ее коллеге. Наконец, поняв, что сможет избавиться от меня, только ответив, голосом, более пронзительным, чем звук волынки, она сообщила, что госпожа Минг в больнице, куда попала в результате произошедшего накануне несчастного случая.

Я пытался отменить сегодняшние переговоры, мне не удалось. Сгорая от нетерпения, я выдержал все совещания и в пять часов наконец помчался по указанному мне адресу.

В этом длинном новом здании с величественным входом я, вероятно, лишился всех своих лингвистических способностей, потому что

никто не понимал, чего я хочу. Мне приказали получить талончик с номером в отделении неотложной помощи; потом, поскольку я взбеленился, посоветовали пойти подлечиться в военный медицинский центр. После долгих блужданий среди больных с капельницами я оказался в палате на десять коек.

Два гипса и повязки приковали госпожу Минг к матрасу. Ушибы расцветили ее лицо охрой и гранатом. Меня беспокоила забинтованная голова. Впрочем, при виде улыбки, с которой она встретила мое приближение, можно было подумать, что она не страдает.

Почти ликуя, она сообщила мне, что ее сбила машина, когда она возвращалась домой.

— Меня подбросило, словно мячик.

В этот момент я увидел, что под маской приветливости скрыта гримаса боли, искажающая ее лицо, утратившее свой привычный цвет и приобретшее тусклый серый оттенок.

— А что водитель?

— Попытался скрыться. Его остановили чуть дальше, он был так пьян, что дразнил полицейских и кричал им: «Не догонишь!»

— Он проведет несколько лет в тюрьме.

— Конечно.

— Но вам это не поможет, госпожа Минг.

— Возможно, это поможет ему.

Она застонала и тут же рассмеялась, чтобы заглушить стон. Она наклонилась и прошептала, словно за ней шпионили:

— У меня нет желания оставаться в больнице, здесь можно подцепить всякие болезни.

В палате появилась незнакомая женщина и бросилась к постели:

— Мама!

— Тинг Тинг!

Они хотели было обняться, но помешали гипсовые оковы.

Тинг Тинг расстроилась и заплакала. Мелкая, сухая, взволнованная, плоская, как иероглиф, она обладала безграничной энергией. И эта энергия сотрясала ее тщедушное тело спазмами, незаконченными фразами, смешанными чувствами.

Госпожа Минг с материнской нежностью взяла ее руки в свои и принялась утешать.

Увидев, что я встаю, чтобы уйти, госпожа Минг взглядом попросила меня остаться.

— Она сейчас успокоится, не тревожьтесь.

И верно, эмоции у Тинг Тинг возникали так же быстро, как и исчезали: через несколько минут мы уже беседовали втроем.

Госпожу Минг прямо-таки распирало от гордости: показать мне Тинг Тинг казалось ей верхом блаженства, которое она могла испытать в такой день. Пока я разговаривал с ее старшей дочкой, она, не отрывая от нас сияющих глаз, воспользовалась паузой, чтобы расслабиться.

Мы болтали уже полтора часа, когда пришли медсестры и сообщили о начале обхода.

Изгнанные, мы, двое здоровых, решили подождать на солнце в больничном дворе.

Тинг Тинг вытряхнула из пачки сигарету, слезно упросила меня не говорить матери, что она курит, объяснила свою нервозность сотнями километров, которые только что преодолела за рулем, и лихорадочно затянулась, надеясь, что табак придаст ей сил.

— Когда приедут ваши братья и сестры? — спросил я.

Медленно выдохнув дым, так что его струйка коснулась ее узкого лица, она, склонив голову к правому плечу, смерила меня взглядом снизу доверху.

Я повторил вопрос, решив, что неверно произнес слова, — в последнее время я чаще говорил на кантонском диалекте и очень редко на классическом китайском.

— Как, разве вы не знаете? — наконец сказала она.

— Что я должен знать?

— У меня нет ни братьев, ни сестер.

Со вчерашнего дня со мной играли, словно с мячиком для пинг-понга.

— Но ваша мать рассказывала мне про Ли Мэй, про Куна и Конга, про Да Сиа, про Рю и Жу, про… Ванга, про…

Она подсказала остальные имена:

— Про Шуанга и Хо? Не сомневаюсь.

— Один ответственный работник из «Перл-Ривер пластик продакшн» видел письма, фотографии, сувениры.

Не докурив, Тинг Тинг выбросила первую сигарету и прикурила вторую.

— Во время Культурной революции мама была подростком. Однажды утром власти арестовали ее вместе с родителями и отправили в лагерь переобучения. Поскольку она принадлежала к семье преподавателей — дедушка был учителем истории, а бабушка литературы, — ей пришлось рыть каналы в грязи, дробить камни, она подыхала от голода и холода. Не знаю, в чем обвиняли бабушку и дедушку; впрочем, я думаю, никто по-настоящему не знал, в чем его обвиняют; в

те времена террора нужны были преступники, и они оказались под рукой: образованные, утонченные, довольно проницательные, чтобы почувствовать свою вину. Мама сопротивлялась дрессуре; она затыкала уши, чтобы не слышать пропаганды, отказывалась доносить на своих товарищей, старалась думать, что участвует в игре, мучительной, идиотской, неприятной, но игре, которая, как ей казалось, не может быть реальностью! Когда ее семья вырвалась из этого ада, мама вернулась к нормальной жизни и несколько лет прожила счастливо… Она встретилась с моим отцом, появилась я. Для них я представляла лишь первое звено длинной цепи, мне предстояло царить по меньшей мере над девятью братьями и сестрами; меня это радовало, и мы с папой и мамой часто забавлялись, представляя нашу будущую семью, давая всем имена, обсуждая их недостатки, их достоинства. Мама забеременела в начале года Козы; именно в этом году был впервые применен закон, принуждающий китайские семьи ограничиться одним ребенком. Ей посоветовали сделать аборт; да, посоветовали… На следующий день она не встала с постели. Заболевание крови. Как будто у нее вместо крови вода. Очень тяжелое заболевание.

Мама стала бледной как полотно, хрупкой, вялой, могла улыбнуться, только когда подходила я. Ее отправили в санаторий, где она провела шесть лет. Почему шесть? Могла бы провести там и меньше, потому что лечение ничего не изменило: она вернулась оттуда мертвенно-бледная, прозрачней, чем привидение. И тогда, увидев ее такой, я решила писать ей письма.

Она раздавила сигарету и прикурила следующую. Я воскликнул:

— Как? Вы…

— Да. Я не знала, что это невозможно, поэтому я это сделала.

— Каким образом?

— Вспоминая наши мечты, я общалась с ней так, как если бы эти нереальные дети существовали. Я держала ее в курсе их каждодневной жизни.

— А фотографии?

— Я привлекла друзей. Каждое лето я ездила в музыкально-танцевальный лагерь, так что друзья у меня были по всему Китаю. Они согласились воплощать частично навеянные ими персонажи и переписывать письма, которые я им отправляла.

Она снова выкинула сигарету и схватила

четвертую. Очевидно, она любит прикуривать сигареты, а не курить их.

— Но Тинг Тинг, истина…

— Истина — это именно та ложь, которая нам больше всего нравится, не так ли?

Она вопрошающе смотрела на меня.

Пока я подыскивал слова, бригада медиков вышла во двор. Мы сразу вернулись в общую палату.

По дороге я успел шепотом спросить у дочери:

— А ваша мать верит, что у нее десять детей?

— Не знаю. Сначала, когда мама замкнулась в своей апатии и усталости, то сознавала, что это игра. С тех пор как она вступила в нее, я иногда подозреваю, что мама заблуждается. Хотя она знает, что это не так.

— Вот оно что?

Тинг Тинг поджала губы. Не меньше моего она опасалась, как бы ее мать не воплотила свои мечты.

Когда мы подошли, пострадавшая, едва переводя дыхание, прошептала:

— Тинг Тинг! Врачи говорят, что меня выпишут не раньше чем через две недели! И что неизвестно, смогу ли я потом ходить. А сейчас они подозревают инфекцию и будут следить за темпе-

ратурой. Тинг Тинг, я с ума сойду! В воскресенье мой день рождения! Он будет последним…

Взволнованная, она совсем не походила на привычную госпожу Минг, скорее на ее напуганного двойника. Цепляясь за дочь, она продолжала:

— Малышка Тинг Тинг, я прошу только одного. Только одного. Ты это сделаешь? Отвечай.

— Да, мама.

— Ты мне клянешься?

— Клянусь.

— Собери здесь своих братьев и сестер в следующее воскресенье. Чтобы я могла в последний раз обнять их.

Лицо Тинг Тинг исказилось. Она обратила ко мне свой испуганный взгляд. Я трусливо уставился на свои ботинки, а потом медленно отодвинулся, чтобы не попасть под обстрел двух пар проницательных глаз.

Я долго бродил по Юнхаи. Озабоченный состоянием госпожи Минг, растерянный от того, что только что узнал, я утратил способность отчетливо соображать. Стоило появиться какой-то идее или ощущению, как тут же возникала их противоположность; с одной стороны, я оценил великодушную уловку Тинг Тинг, вернувшую ее мать к жизни, с другой — порицал эту шутку,

вконец разложившую ослабленную психику. Порой мне казалось, что наши судьбы должны не ограничиваться реальностью, а обогащаться мечтами, фантазмами, которые, если они не пустячные, свидетельствуют о жизнеспособности духа; минуту спустя я сокрушался, что ни госпожа Минг, ни Тинг Тинг не сумели принять мир таким, каков он есть.

Мои метания продолжались три дня. Разумеется, в эти дни я занимался своими делами, даже добился выгодных контрактов, однако, отдаваясь работе больше обычного, я был озабочен госпожой Минг, Тинг Тинг и девятью виртуальными детьми.

Я подозревал, что в роковой день своего рождения госпожа Минг со своей единственной дочерью, столкнувшись с реальностью, впадет в уныние. Я опасался худшего. Если кого-то лишить лжи, поддерживающей его существование, он сдастся. Госпоже Минг грозил серьезный кризис, если Тинг Тинг не удастся достойным образом объяснить отсутствие братьев и сестер. Уверенный, что удар будет крайне жестоким, частично из сострадания, частично из любопытства я пошел в больницу.

Я хотел войти в палату, но мне пришлось отка-

заться от своего намерения.

Они все были там: Хо, Да Сиа, Кун, Конг, Ли Мэй, Ванг, Рю, Жу, Шуанг и, разумеется, Тинг Тинг. Они пили, болтали и пели громче и веселее, чем деревенский духовой оркестр! Я без посторонней помощи узнал их: акробаты Кун и Конг — один бритый наголо и в зеленом свитере, другой с длинными волосами и в желтом жилете; убийца госпожи Мао Да Сиа, коротко стриженная, одетая как американская служащая: в облегающем костюме, на острых каблучках; умник Жу, потешающийся над тем, что рассказывал очкастый всезнайка Рю; мечтательная рисовальщица Ли Мэй; притулившийся у стены мученик истины Шуанг, ставший молчаливым; страстный спорщик Хо пытался уговорить Ванга сыграть в кости, а тот в это время создавал для матери проект чудесного сада.

Сияющая Тинг Тинг подошла ко мне:

— Они приехали. Все мои друзья. Преданные, как семья. Они впервые примерят свои роли. Мама парит на вершине блаженства.

Она растолкала толпу, чтобы подвести меня к госпоже Минг. Та сияла, хотя выглядела бледнее обыкновенного.

— Какие у меня прекрасные и любящие дети.

Я согласился. Ее счастье было так явно и так заразительно, что я тоже разволновался.

— Они без колебаний проехали всю страну, хотя даже с места не двинулись, когда хоронили их отца… Тогда только Тинг Тинг сумела вырваться.

Тинг Тинг в смущении опустила голову.

Госпожа Минг пылко схватила меня за руку и прошелестела в ухо:

— Мне не следовало бы этого говорить, особенно в присутствии остальных: Тинг Тинг была и остается моей любимицей.

Находившаяся достаточно близко, чтобы расслышать, Тинг Тинг зарделась. Госпожа Минг продолжала:

— Она ни разу не разочаровала меня. Включая сегодняшний день.

Тинг Тинг рефлексивно вздрогнула:

— А что сегодня? Что я такого особенного сделала сегодня?

Госпожа Минг указала на шумную толпу. Тинг Тинг пробурчала:

— Предупредить братьев и сестер? Вот уж работа! Они все в любом случае сбежались бы.

Госпожа Минг повернулась в мою сторону:

— Вы заметили, какая она? Паршивка! Упрямица! Она своего дела на полпути не бросит. Она

пойдет до конца.

И загадочно добавила:

— До конца… До конца…

Тинг Тинг встревожилась:

— О чем ты, мама?

— Золотая середина… до конца…

Обеспокоенная Тинг Тинг вопрошающе взглянула на меня, а госпожа Минг уклончиво пробормотала:

— …между мечтой и реальностью… золотая середина… до конца… Спасибо.

— Что?

Сотрясаемая дрожью, Тинг Тинг потрошила пачку сигарет, спрятанную в сумке: или мать бредит, или догадалась о ее обмане.

Госпожа Минг изменилась; голос ее стал отчетливым, ясным, решительным — такой я неизменно видел ее прежде.

— Я ничего не скажу. И ты тоже.

Ее доверчивые глаза встретились с тревожными глазами дочери; и ту и другую переполняли чувства. Она умиротворенно вздохнула:

— Истина всегда заставляла меня сожалеть о неопределенности.

С этими словами она закрыла глаза и уснула.

Я закончил свои дела, и мне следовало возвра-

щаться во Францию.

С каждым моим посещением я видел, что раны госпожи Минг зарубцовываются, синяки рассасываются, она меньше страдает. Накануне отъезда Тинг Тинг пообещала регулярно посылать мне известия о матери. Так что улетал я успокоенный.

В самолете я впервые не испытал своей привычной амнезии; напротив, весь полет я пережевывал все, что мне довелось пережить в Гуандуне: свои мысли, тревоги, ограниченность, — все, с чем столкнулся. На этот раз я увозил с собой свою китайскую индивидуальность.

В аэропорту «Шарль-де-Голль», когда я забирал свой прибывший со скоростью улитки по движущейся ленте багаж, на экране мобильника высветилось сообщение от Ирэн:

«Если тебе интересно, сегодня утром ребенок появился на свет».

Спустя час я уже обнимал Ирэн и склонялся над колыбелью, в которой пускал пузыри крохотный мальчуган.

Он посмотрел на меня, я посмотрел на него: пакт был заключен мгновенно.

Я обернулся к Ирэн, схватил ее руку и прошептал ей на ухо:

— Если захочешь, я заберу себе мать и ребенка.

— Что ты сказал? Но…

— Я без лишних вопросов забираю мать и ребенка.

— Не горячись. Надо удостовериться. Проведем генетическую экспертизу…

— Стоп! Ты сумасшедшая… Вообрази, вдруг мне скажут, что это не мой! Была не была! Слишком поздно! Неужели я смогу разлюбить этого человечка?

Мои губы прижались к губам Ирэн, чтобы заглушить ее удивление, и, желая на протяжении следующих двух тысяч шестисот лет никогда не менять своего решения, я добавил:

— Истина всегда заставляла меня сожалеть о неопределенности.